

Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов

**ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТУ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ АН СССР — 50 ЛЕТ**

Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в этом году исполнилось 50 лет. Он был создан на основе решения Общего собрания Академии наук СССР от 15 февраля 1933 года¹. Решение это оказало большое влияние на дальнейшее развитие советской этнографии.

Революционные социально-экономические преобразования в стране и начавшаяся культурная революция, практическое участие в них советских этнографов — таковы были общие предпосылки создания академического этнографического центра. На него была возложена основная ответственность за общее руководство развитием этнографической науки в стране и за создание такой концепции советской этнографии, которая отвечала бы новым политическим, социальным и культурным условиям, создавшимся в результате революционных преобразований и построения основ социалистического общества в нашей стране. Задача разработки общей концепции этнографической науки приобретала тем большее значение, что созданию Института, как известно, предшествовали бурные дискуссии о предмете этнографии, ее месте среди других гуманитарных наук и о ее функциях в современности. Крайние взгляды — стремление противоестественно сузить предмет этнографии, превратить ее в науку, преимущественно занимающуюся первобытностью, и противоположное стремление превратить ее в гуманитарную науку наук — не привились и сейчас представляются лишь временным заблуждением². Преодолению его немало способствовала вся последующая деятельность Института, хотя влияние указанных крайних точек зрения на предмет этнографии в той или иной мере дает о себе знать до сих пор.

Предусмотрев создание Института на базе Музея антропологии и этнографии и Института по изучению народов СССР (ИПИНа), решение Общего собрания АН СССР тем самым подчеркнуло, что дальнейшее развитие советской этнографии должно опираться на прогрессивные традиции отечественной этнографии.

Эти традиции уходят своими корнями ко времени основания в стране первого государственного общедоступного музея — Петербургской кунсткамеры, созданной Петром I в 1714 г., на базе которой позднее сложился Музей антропологии и этнографии АН СССР.

Огромные просторы страны, значительные различия стадий и уровней исторического развития, на которых находились населявшие ее народы, разнообразие их обычаев, традиционных правовых норм, обрядов, верований, форм художественного творчества — все эти обстоятельства в своей совокупности способствовали тому, что этнографическим знаниям о России (наряду с географическими и историческими) придавалось большое значение как правительственными организациями, так и передовыми учеными и общественными деятелями. Многочисленные экспедиции, проведенные в XVIII — начале XIX в. (С. П. Крашенинникова, П. С. Паласа, И. Ф. Крузенштерна, Ф. Ф. Беллингаузена, Г. И. Лангсдорфа, И. Г. Вознесенского и др.) собрали значительное количество оригинальных этнографических материалов и, что, может быть, не менее важно, — расширили и без того обширные горизонты зародившейся этнографии. Более того, они способствовали преодолению характерного для научной традиции многих европейских стран специфического европоцентризма и выработке гуманистических представле-

¹ Первоначально он именовался «Институт антропологии и этнографии АН СССР», а с 1937 г. — «Институт этнографии АН СССР».

² Подробнее см.: Чистов К. В. Из истории советской этнографии 30—80 гг. XX века (К 50-летию Института этнографии АН СССР). — Сов. этнография (далее — СЭ), 1983, № 3.

ний о единстве человечества и ценности различных культурных традиций вне зависимости от их этнической принадлежности³.

Важная роль в развитии отечественной этнографической науки принадлежала возникшему в 1845 г. Русскому географическому обществу с Отделением этнографии. Отделение развернуло активный сбор этнографических материалов. Лозунгом его прогрессивного крыла был известный тезис А. И. Герцена: «Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать его, но освободить нельзя» (Собр. соч., т. XVI, с. 77). Это было время, когда, по словам того же А. И. Герцена, каждый губернский секретарь стал заниматься этнографией.

Не случайно именно в это время активизируется деятельность Музея этнографии (с 1879 г. — Музей антропологии и этнографии). К концу XIX в. он приобретает авторитет одного из наиболее значительных этнографических собраний мира. Особенно развернулась работа музея с 90-х гг. XIX века, когда к его руководству приходит всемирно известный лингвист, фольклорист и этнограф академик В. В. Радлов. Музей в эти годы становится одновременно и хранилищем замечательных ценностей, и бурно развивающимся научно-исследовательским учреждением⁴.

Деятельность Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX века проходила на общем фоне повышения интереса к проблемам этнографии и фольклористики в российском общественном движении, науке и искусстве. В 1864 г. при Московском университете возникает Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), при содействии которого в Москве был образован так называемый Дашковский этнографический музей. При Русском географическом обществе создаются песенная и сказочная комиссии; а в предреволюционные годы — комиссии по этническому картографированию и народному искусству; при ОЛЕАЭ — музыкально-этнографическая (с 1902 г.) и по народной словесности (с 1911 г.). Начинают выходить в свет два этнографических журнала «Этнографическое обозрение» и «Живая старина». В. Ф. Миллер, являвшийся с 1884 по 1897 г. ученым хранителем Дашковского этнографического музея, издал описание его коллекций и тем самым ввел фонды музея в научный оборот. Наконец, возникает Этнографический отдел Русского музея, позже выросший в Государственный музей этнографии народов СССР, и создается частное этнографическое Бюро князя В. Н. Тенишева, в короткий срок сумевшее собрать значительный этнографический архив по обстоятельно разработанным программам.

В деятельности Музея антропологии и этнографии в это время значительную роль играли ученые, настроенные революционно или, по крайней мере, демократически. Известно, в частности, о вкладе в русскую этнографию и фольклористику второй половины XIX — начала XX века политических ссыльных. Среди работников музея или ученых, сотрудничавших с ним, была целая группа возвратившихся ссыльных, которые именно в годы ссылки стали профессионально заниматься этнографией. Это — Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. А. Клеменц, Э. К. Пекарский, В. И. Йохельсон и др. Занимаясь этнографией Сибири, они прониклись уважением и сочувствием к изучаемым народам и постоянно думали о возможных путях и средствах, которые вывели бы эти народы из их бедственного состояния. Неудивительно поэтому, что именно Музей антропологии и этнографии был одним из первых акаде-

³ Подробнее см.: Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музей. (По материалам этнографических музеев Академии наук). Л.: Наука, 1978; Токарев С. А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1966; Пыпин А. Н. История русской этнографии, т. I—IV. Спб., 1890—1892.

⁴ Подробнее об истории музея в связи с историей этнографии в России и СССР см.: Станюкович Т. В. Указ. раб.; Токарев С. А. Указ. раб.; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. — В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975. См. также: Сборники Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ), т. I—XXXVIII. Спб., Пг., М.—Л., 1900—1982.

мических учреждений, заявивших о своей готовности сотрудничать с Советской властью⁵.

Политические и социальные потребности первого послереволюционного десятилетия вызвали к жизни целую серию организаций и учреждений этнографического профиля. Это были — Центральное этнографическое бюро при Народном Комиссариате по делам национальностей, секция «Человек» при Госплане, Комитет народов Севера, разряд этнологии при Государственной Академии истории материальной культуры, Комиссия «живой старины» при Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков Запада и Востока, Научно-исследовательский институт и музей антропологии при МГУ, Музей Центральной промышленной области, Центральный музей народоведения и т. п. В 20-е годы существенной стороной деятельности ленинградских и московских этнографов старшего поколения было также создание специальных этнографических отделений в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда⁶. Даже простое перечисление названных организаций дает представление, с одной стороны, об острой нужде в кадрах профессиональных этнографов и, с другой стороны, об их распыленности, рассредоточенности.

Большое значение для объединения усилий этнографов имело создание в 1926 году журнала «Этнография»⁷ и в 1932 году «Антропологического журнала». Они восстановили традиции возникших в конце XIX века специализированных этнографических и антропологических журналов — «Этнографического обозрения», «Живой старины», «Русского антропологического журнала» и сыграли серьезную научно-организационную и методическую роль в дальнейшем развитии советской этнографии, антропологии и фольклористики.

В числе первоочередных задач, в разрешении которых участвовали этнографы, было уточнение новых межреспубликанских границ (на основе сведений о характере расселения отдельных народов) и переходных зон между основными этническими массивами. Одновременно должно было осуществляться, на основе ленинской национальной политики, внутреннее национальное размежевание, в котором решающее слово принадлежало этнографам. В эти годы были составлены этнографические карты, а также «Список народностей СССР», появились статьи и публикации, характеризующие этнический состав отдельных областей.

Много полезного было сделано этнографами и на начальном этапе подъема культуры народов Севера, Средней Азии и некоторых других районов. Молодые этнографы назначались на работу не только в местные научные учреждения, музеи, отделы народного просвещения, но и в школы, расположенные в самых отдаленных местах. Этнографы академических учреждений вместе с лингвистами участвовали в создании букварей и первых учебников для народов, не имевших ранее письменности⁸. Живя годами среди изучаемого народа, они в совершенстве овладевали его языком, детально знакомились с культурой и бытом. Вместе с тем обостренному ощущению практических целей и задач, вставших перед наукой, и активному участию в практике социалисти-

⁵ Станюкович Т. В. Указ. раб., с. 163—164; Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 2. М.: Учпедгиз, 1963, с. 218.

⁶ См.: Станюкович Т. В. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, в. V. М.: Наука, 1971; Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г. — середина 1930 гг.). — Там же.

⁷ В 1931 г. журнал получает название «Советская этнография»; с 1938 по 1947 г. он выходил в виде сборников под тем же названием. Подробнее см.: Першиц А. И., Чебоксаров Н. Н. 50 лет журнала «Советская этнография». — СЭ, 1976, № 4.

⁸ См., например: Василевич Г. М. Начальная тунгусская книга. М., 1931; Орлова Е. А. Эскимосский букварь. Л., 1932 и др.; см. также Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1931). — СЭ, 1972, № 6.

ческого строительства сопутствовали теоретические дискуссии и в известной мере разногласия⁹.

В 30-е годы советская этнография вступает в новый период своего развития. Это определялось не столько внутренним развитием самой этнографии, сколько переменами в жизни страны в целом. Коренные изменения претерпевают социальная структура советского общества и народное хозяйство страны; в период индустриализации и в годы коллективизации сельского хозяйства происходит бурная перестройка жизни и города, и деревни, закладываются важные основы современного социалистического быта. Особенно резкие перемены происходили в жизни отсталых в прошлом народов Советского Союза.

В этих условиях стала настоятельно ощущаться необходимость в научном учреждении, которое возглавило бы советскую этнографическую науку в целом. Таким учреждением и стал Институт этнографии АН СССР. Живое участие в создании Института, а позже — в определении основных направлений его исследовательской деятельности и структуры принимали такие крупные ученые, как Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Е. Ф. Карский, В. В. Бартольд, В. В. Струве, И. И. Мещанинов, А. Н. Самойлович и др.

Институт объединил сотрудников Музея антропологии и этнографии АН СССР, Института по изучению народов СССР (ИПИИ) и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС). Объединение музея и Института, несомненно, сыграло свою роль в развитии как этнографических исследований, так и этнографического музееведения в нашей стране. Первоначально Институт состоял из трех секций — этнографической, антропологической и археологической, а также фольклорной комиссии и музея с его обширными фондами. Современная структура Института и музея формировалась постепенно, и этот процесс, как увидим, продолжался еще и в послевоенные годы. Вначале структура Института во многом напоминала традиционное членение Музея на региональные «кабинеты». После слияния вновь возникшего Института с ИПИИ и до начала войны существовало восемь кабинетов — Африки, Америки и Океании, Европы, Дальнего Востока, Средней Азии, Сибири, Археологии и антропологии; восьмым кабинетом считалась библиотека, которой длительное время заведовал Д. К. Зеленин. Он считал библиотеку, библиотечное дело и библиографию важнейшими звеньями каждой научной организации¹⁰.

В Институте сразу же после его создания дальнейшее развитие получила этнографическая разработка проблем первобытного общества¹¹. Это было актуально прежде всего в теоретическом плане, так как способствовало утверждению марксистского понимания истоков и ранних периодов истории человечества. Вместе с тем исследования в данном направлении были важны и в практическом, и в идеологическом отношении. Целая группа народов Советского Союза, обреченная до революции на отсталость, теперь окончательно становилась на некапиталистический путь развития, включалась в семью народов, строивших социалистическое общество. Продолжая традицию дореволюционной русской и советской этнографии 20-х гг., сотрудники Института в предвоен-

⁹ См.: Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки, с. 117.

¹⁰ До последних лет своей жизни, уже давно ставший ученым, известным далеко за пределами Советского Союза, он считал своим долгом продолжать систематическую библиографическую деятельность — издавал тематические библиографии, обзоры, рекомендательные библиографии. См. указатель трудов Д. К. Зеленина и основной литературы о нем в кн.: Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979.

¹¹ См., например: Штернберг Л. Я. Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933; Вопросы истории доклассового общества.—Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), т. 4, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936; Кричевский Е. Ю. Системы родства как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен.— ТИЭ, т. 4, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936; Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, ч. I.— ТИЭ, т. 15, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.

ные годы создали целую серию работ, освещавших этногенез и этническое развитие малых, в прошлом плохо изученных народов. Эти книги помогли «малым народам» осознать свое прошлое, показывали, что и они имеют такое же право претендовать на внимание науки, как и народы «большие», имеющие давнюю письменность, письменную традицию и историографическую традицию. Большую роль в разработке теоретических основ советской этнографической науки сыграло участие в эти годы сотрудников Института в подготовке к изданию цикла работ основоположников марксизма, посвященных докапиталистическим обществам (прежде всего подготовка четвертого издания перевода труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), а также книги Л. Моргана «Древнее общество». Работы этнографов и антропологов 30-х гг., в том числе и работы сотрудников Института, отличались острой антирасистской и антинационалистической направленностью, они способствовали разоблачению антинаучных взглядов фашистских идеологов¹².

Как в этот, так и в последующие периоды, значительный вклад в борьбу с расизмом внесли антропологи Института. С начала его организации в 1933 г. на базе Антропологической комиссии (кабинета) был сформирован отдел антропологии. Уже в предвоенные годы отдел осуществил ряд экспедиций в разные районы Советского Союза. Экспедиции работали по широкой морфологической программе¹³.

В предвоенные годы впервые возник замысел широкомасштабных этнографических обобщений — была задумана четырехтомная серия «Этнография народов СССР», подготавливался вузовский учебник с таким же названием и целый ряд других изданий¹⁴.

Сотрудники Института наряду с исследовательской и экспедиционной работой, которая приобретала все более систематический характер, много сил отдавали музею. Именно в эти годы возникает отдел хранения и учета, который реорганизует научную документацию коллекций. Совершенствуются также экспозиции музея, и создается целая серия выставок, в которых сказывается тенденция, не ограничиваясь плоскостным материалом, как бы он сам по себе ни был важен, сочетать идеологическую направленность экспозиций с продуманной демонстрацией вещевых материалов («Чукотское общество», «Восточная Бухара под властью эмирата» и др.)¹⁵.

Уже в предвоенное десятилетие Институт этнографии АН СССР консолидировал практически всех крупнейших советских этнографов. В числе его сотрудников были такие выдающиеся этнографы и фольклористы как Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров, Е. Э. Бломквист, М. К. Азатовский, А. М. Астахова, И. Н. Винников, Н. Н. Степанов, Л. А. Динцес, И. И. Зарубин, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков, Л. П. Потапов, А. А. Попов, Д. А. Ольдерогге, А. И. Генко, Л. И. Лавров; археологи — С. Н. Замятнин, П. П. Ефименко, А. П. Окладников, С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, В. И. Равдоникас и др.

Восемь предвоенных лет были периодом заметного подъема и быстрого разветвления деятельности Института. Этот процесс был на время приостановлен Великой Отечественной войной. Большинство сотруд-

¹² Подробнее см.: *Потапов Л. П.* Этнографическое изучение социалистической культуры народов СССР.— СЭ, 1962, № 2; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки.

¹³ См.: *Якимов В. П.* Антропологический отдел Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.— Архив антропологии, гистологии и эмбриологии, 1964, № 3; *Алексеев В. П.* Антропология в Академии наук за 250 лет.— СЭ, 1974, № 4, с. 7.

¹⁴ См.: *Вяткина К. В.* О научно-исследовательской работе Института антропологии и этнографии АН СССР.— СЭ, 1934, № 4; *ее же.* Работа Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР за 1935 г.— СЭ, 1936, № 1; *Лекомцев И. М.* Этнографическая секция Института.— СЭ, 1936, № 1; *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР.— СЭ, 1938, № 1; *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы.— СЭ, 1939, № 2.

¹⁵ Подробнее см.: *Станюкович Т. В.* Этнографическая наука и музеи, с. 207—208; *ее же.* Приемы и принципы экспозиции МАЭ.— В кн.: Сборник материалов по истории этнографических музеев и выставок. М., 1972.

ников-мужчин, ушли на фронт, остальные участвовали в местной оборонной работе и, вместе с тем, сделали все, что могли, для спасения фондов музея. В чрезвычайно тяжелых условиях ленинградской блокады ни на один день не прекращалась работа по охране здания Института и фондов музея, которые не были эвакуированы. В историю мировой этнографии и музейного дела навсегда вошел необычный по своему характеру факт. Из почти полумиллионного фонда музея в годы войны поврежденными оказались только около 70 предметов, хранившихся в подвалах Института, остальная же часть коллекций благодаря героическим усилиям небольшой группы сотрудников сохранилась в хорошем состоянии. При этом надо учесть, что после эвакуации сотрудников в Ташкент, работой по сохранению коллекций занимались всего несколько человек¹⁶.

Сотрудники, эвакуированные в Ташкент, продолжали научную работу (И. Н. Винников, Е. М. Пещерова, Е. Э. Бломквист, С. В. Иванов, Н. А. Кисляков), причем специалисты по народам Средней Азии по мере возможности занимались и экспедиционным сбором материалов.

Важным событием в истории советской этнографии периода Великой Отечественной войны было принятие Президиумом Академии наук СССР в самый разгар войны (в конце 1942 г.) решения об особых мерах для сохранения и развития Института этнографии как научного коллектива, понесшего большие потери. С этой целью в Москве организуется Институт этнографии, директором которого становится выдающийся этнограф и археолог С. П. Толстов. В 1947 году Институту было присвоено имя Н. Н. Миклухо-Маклая. Центр его был перенесен в Москву, а в Ленинграде (куда возвратилась из эвакуации ташкентская группа) было создано Ленинградское отделение (позже — Ленинградская часть) Института этнографии АН СССР.

Организация единого Института этнографии, расположенного в Москве и в Ленинграде, позволила после войны ускоренными темпами восстановить его. До войны в Москве не было академического этнографического учреждения. Однако в результате многолетней деятельности этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Антропологического музея и Института антропологии при Московском университете, Центрального музея народоведения (позднее — Музея народов СССР), Музея Центральной промышленной области и других учреждений в Москве сложились кадры профессиональных этнографов и устойчивая научная традиция, созданная трудами Д. Н. Анучина, П. П. Ефименко, А. Н. и В. Н. Харузиных и др. В первые же годы после возникновения московской группы С. П. Толстов привлек в Институт таких видных этнографов и антропологов, как С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, В. Ю. Крупянская, Г. С. Маслова, В. К. Гарданов и др. Постепенно Институт начал превращаться в ведущее головное учреждение в общесоюзном масштабе¹⁷.

В послевоенные годы структура Института, особенно его Московской части, продолжала развиваться в двух основных направлениях — создавались новые региональные сектора (восточнославянский, Зарубежной Европы, Кавказа и др.) и сектора, группы и лаборатории, имеющие проблемный характер — этнической статистики и картографии, фольклора, этнической антропологии, пластической реконструкции, этносоциологии, первобытного общества, зарубежной этнологии, общих

¹⁶ Их деятельность была высоко оценена: 17 мая 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады Ленинграда научных и культурных ценностей в числе других ленинградцев были награждены: Р. И. Каплан-Ингель (уполномоченный Президиума АН СССР по охране музея) — орденом Трудового Красного Знамени, старший научный сотрудник К. В. Вяткина — орденом «Знак Почета» и младший научный сотрудник В. В. Антропова — медалью «За трудовую доблесть».

¹⁷ См.: Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 4.

проблем, информации и научных связей и др. Структура Ленинградской части Института тоже продолжала совершенствоваться. Ныне в Ленинграде имеются сектора и группы этнографий восточных славян, народов Средней Азии и Кавказа, Сибири, Зарубежной Азии, Австралии и Океании, Африки, Америки; антропологии, общих проблем, музейного учета и хранения, а также музей.

Восстанавливалась музейная экспозиция и приводились в порядок музейные фонды, законсервированные в годы войны. Первым крупным событием в жизни музея в послевоенные годы было открытие выставки, подготовленной к 220-летию Академии наук, которое праздновалось в 1945 году. Ей придавалось большое значение, так как она должна была быть открыта в здании музея — старейшем здании Академии наук. Выставка характеризовала как историю музея, так и жизнь Института и музея в годы Великой Отечественной войны. Она была высоко оценена Президиумом Академии наук и участниками юбилейной сессии¹⁸.

Для восстановления и развития деятельности Института¹⁹ Президиум Академии наук, несмотря на тяжелые обстоятельства военного времени, санкционировал интенсивную подготовку аспирантов и докторантов. Только в 1943 году было принято 24 человека в аспирантуру и 10 в докторантуру (преимущественно в Москве). К 1949 году аспирантуру Института этнографии уже закончили 28 человек и продолжали обучаться еще 31. Значительное увеличение штатов сотрудников и развертывание структуры Института позволили заметно расширить проблематику и создать традиции комплексной разработки целого ряда важнейших направлений.

В конце войны и сразу по ее окончании этнографы Института активно включились в работу комиссий по определению новых границ в Восточной, Центральной и Южной Европе, особенно западных и юго-западных границ Советского Союза. Эта работа стимулировала развитие исследований по этническому составу населения мира. Не случайно для этих лет была характерна теоретическая разработка понятий «этническая территория», «этническая граница», «этнические признаки», а также развитие методики этнического картографирования²⁰.

Включение в систему социализма ряда государств Европы и Азии, развернувшаяся в послевоенные годы освободительная борьба народов и приобретение многими из них — прежде всего в Азии и Африке — национального суверенитета вызвали особое внимание советской общественности. Наконец, рост международных связей СССР поставил перед советскими учеными задачу всестороннего освещения быта зарубежных народов в прошлом и настоящем, их образа жизни, культурных традиций. Все это в немалой степени способствовало расширению профиля этнографических исследований и преодолению тенденции ограничить задачи этнографии изучением истории первобытнообщинного строя.

Необходимость обеспечить фактическим материалом обширную исследовательскую программу настоятельно требовала развертывания полевых работ. Это удалось осуществить уже в первое послевоенное десятилетие. Институт формирует и направляет «в поле» десятки экспеди-

¹⁸ Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны.— СЭ, 1946, № 1, с. 233.

¹⁹ При организации Института в 1933 году его штат состоял из 81 человека, т. е. сотрудников было почти в два раза меньше, чем теперь в Ленинградской части. К концу 1942 года числилось всего 37 сотрудников. Из них 5 оставались в Ленинграде, 12 образовали ташкентскую группу, остальные были эвакуированы в другие города и оторваны от своих научных коллективов. К концу 1943 года в московской группе было уже 20 сотрудников, в Ташкенте по-прежнему 12, в Ленинграде — 5 и в других городах — тоже 5.

²⁰ См.: Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы.— ТИЭ, т. XV. М.: Изд-во АН СССР, 1951; его же. Методы картографирования национального состава населения.— СЭ, 1950, № 4; Терлецкий П. Е. О новом методе этнического картографирования (к вопросу о составлении «Этнической карты мира»).— СЭ, 1953, № 1 и др.

ций, многие из которых были комплексными, ставили перед собой не только собственно этнографические, но и антропологические, фольклористические и даже археологические задачи. Так, значительными были достижения Хорезмской, Тувинской, Прибалтийской и др. комплексных экспедиций. В 1949 году за книгу «Древний Хорезм» С. П. Толстову было присвоено звание лауреата Государственной премии СССР.

Все эти обширные задачи не могли быть выполнены силами одного Института, как бы он ни укрупнялся и как бы ни расширял поле своей деятельности. Поэтому Институт постоянно, еще с довоенных лет, и особенно интенсивно в 50—60 гг. помогал союзным и автономным республикам в подготовке кадров квалифицированных этнографов и организации этнографических секторов и отделов в составе академий наук союзных республик, научных учреждений автономных республик и областей²¹. К 60-м годам уже были все основания говорить о многонациональной советской этнографической школе. Если в начале 20-х гг. изучение большинства народов Советского Союза велось, как правило, этнографами Москвы и Ленинграда, то теперь встала задача координирования многосторонней этнографической деятельности ученых союзных и автономных республик. Важную роль в этом отношении, а также в обмене информацией о текущей полевой работе, в создании сходных методик и программ для достижения сравнимых результатов и, наконец, в процессе совместной разработки фундаментальных теоретических проблем сыграли в послевоенные годы регулярные всесоюзные отчетно-экспедиционные сессии и публикации их материалов в центральном органе советских этнографов — журнале «Советская этнография» и в сборниках «Полевые исследования Института этнографии». Большое значение для совершенствования методов описания музейных фондов и публикации других этнографических материалов имела серия «Сборники Музея антропологии и этнографии»²².

Не остаются в послевоенные годы неизменными и представления о самом предмете, важнейших проблемах и месте этнографии в системе наук. Утвердилось представление, что ее предметная область в хронологическом плане простирается на всю историю человечества — от первобытности до наших дней, в пространственном — охватывает все народы и регионы мира, без деления народов на «исторические» и «неисторические», как это свойственно научным традициям многих стран, особенно стран капиталистического мира. Расширилось и представление о социальных слоях общества, на которые направлено внимание этнографии. От экзотических обществ и низших социальных слоев (главным образом, крестьянства, если речь идет о развитых странах) советская этнография постепенно перешла также к изучению культурных традиций и быта рабочего класса, а затем и к изучению этнографии города²³.

²¹ В целом за полвека Институт подготовил около 500 кандидатов и более 100 докторов наук.

²² Сведения о составе журнала и сборников, а также серий «Труды Института этнографии», «Краткие сообщения Института этнографии» и др. см.: «Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962». / Составители О. В. Бунакова, Р. В. Каменецкая. Л.: Наука, 1967. См. также Указатели статей и материалов за пятилетия, публиковавшиеся в журнале «Советская этнография» с 1961 по 1980 гг.

²³ См.: *Крупянская В. Ю.* К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса.— Вопросы истории, 1960, № 11; *Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г.* Этнография города и промышленного поселка.— СЭ, 1964, № 4; Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. М.—Л.: Наука, 1964; Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР. М.: Наука, 1968; *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971; *Рождественская С. Б.* Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк. М.: Наука, 1972; *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М.: Наука, 1977; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города.

Одной из главных задач советских этнографов в послевоенные годы стала подготовка многотомной серии «Народы мира». Возглавил эту работу С. П. Толстов. Подготовка серии, в создании которой наряду с сотрудниками Института этнографии АН СССР приняли участие специалисты из многих республиканских научных учреждений, заняла почти два десятилетия. Она была завершена в 1966 г. В 13 томах (18 книг) серии даются подробные, опирающиеся на различные источники сведения об этническом составе и культурно-бытовых особенностях отдельных народов, приводятся материалы по истории их культуры с древнейших времен до наших дней. В книгах этой серии показаны исторические корни, социально-экономическая обусловленность и взаимосвязь многообразных этнических процессов. Серия «Народы мира» получила широкое признание, о чем свидетельствуют многочисленные положительные рецензии как на отдельные тома, так и на издание в целом и в СССР, и за рубежом. Некоторые тома или отдельные главы из них были переведены на языки других народов.

Работа над томами «Народов мира» заставила обратить внимание на «белые пятна» в этнографии, раздвинула рамки научных интересов наших специалистов до подлинно глобальных масштабов. Создание серии немало содействовало укреплению связей между советскими этнографами, а также установлению тесных контактов с этнографами социалистических стран, принявшими непосредственное участие в написании тома о народах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Процесс расширения границ этнографии вместе с тем представлял известную опасность. Ее предметная зона расплывалась, четкие границы стирались, и она должна была либо поглотить другие общественные науки, либо сама в них раствориться, чего однажды уже удалось избежать в начале 1930 гг. Примерно такая же ситуация, хоть и по несколько иным причинам сложилась к концу 50-х — началу 60-х годов. Она была успешно преодолена в конце 60-х — начале 70-х годов. Методически очень важно было осознать, что в отличие от других социальных наук этнография изучает прежде всего характерные свойства основного объекта своего исследования — этноса. В качестве же таковых свойств выступает прежде всего этническое своеобразие жизнедеятельности людей, поэтому этнографический подход к социальной действительности определяется рассмотрением ее сквозь призму этнической специфики, этнической самобытности. Это своеобразие сосредоточено главным образом в традиционно-бытовой культуре, поэтому последняя и выступает в качестве основного ядра предметной зоны этнографической науки. При этом на разных этапах всемирно-исторического процесса масштабы ее предмета не остаются неизменными. На ранних стадиях развития человечества этническими особенностями пронизана вся повседневная жизнь людей и, соответственно, вся она оказывается в поле зрения этнографов. В условиях промышленно-развитых обществ такого рода специфика все более перемещается из сферы материальной культуры в духовную, что сказывается и на предмете этнографии, настоятельно требуя при его определении учета этнических функций исследуемых явлений²⁴.

Еще в предвоенные годы советская этнография определилась как историческая дисциплина, что сопровождалось активным освоением идей и методологии исторического материализма. Однако современное профилирование этнографии как науки о народах (этнусах) в их исто-

Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978; Старый Петербург. Историко-этнографическое исследование. Л.: Наука, 1982.

²⁴ См.: Бромлей Ю. В. Наука о народах мира.— Наука и жизнь, 1968, № 8; *его же*. Основные направления этнографических исследований в СССР.— Вопросы истории, 1969, № 1; *его же*. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *его же*. Этнография на современном этапе.— Коммунист, 1974, № 16; *его же*. Современная этнография и ее перспективы.— В кн.: Будущее науки. М., 1975; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981.

рическом развитии не случайно сложилось в годы, которые ознаменовались переходом страны к этапу зрелого социализма. Развитие национальных культур многочисленных наций и народностей Советского Союза и их нарастающее сближение во всех сферах материальной и духовной культуры сопровождалось формированием новой исторической общности — советского народа. Усиление социальной однородности советского общества придает особую значимость изучению этнических процессов у народов СССР (подробнее см.: «Коммунист», 1983, № 5).

Принципиально иначе чем в социалистическом мире протекают этнические и социально-экономические процессы в капиталистическом мире, для которого характерны проявления национального антагонизма, порожденного классовым антагонизмом. Этот феномен, зафиксированный еще основоположниками марксизма-ленинизма, делает весьма существенным изучение национальных — и шире — этнических явлений. Важно и то, что без учета этнических аспектов социально-экономических и политических процессов, происходящих в развитых капиталистических странах, нельзя уяснить специфику этих процессов в каждой из таких стран. Весьма актуально также изучение бурно протекающих в наше время этнических процессов в развивающихся странах. Будучи теснейшим образом связаны с социально-экономическими и политическими факторами эти процессы в свою очередь оказывают на них значительное воздействие.

Не случайно в современных условиях одним из основных направлений этнографических исследований стало историко-этнографическое изучение народов мира с древнейших времен до наших дней. В частности, в последние годы снова усилилось внимание советских этнографов к проблемам первобытной истории, имеющим большое мировоззренческое значение. В послевоенные десятилетия накоплен и систематизирован значительный материал, свидетельствующий об исторической универсальности родовой общины и рода. Ведется также изучение поздних форм родового строя, этнических процессов в доклассовых и раннеклассовых обществах, а также конкретных путей и механизма классовобразования²⁵. В настоящее время готовится трехтомная монография по проблемам первобытности, которая должна подвести итоги этим работам.

В тесной связи с исследованиями первобытности с первых лет существования Института развивались работы по антропогенезу, палеоантропологии и расообразованию. Параллельно и в связи с работами по палеоантропологии сформировалось новое направление — пластическая реконструкция, разрабатывавшая закономерности восстановления лица по черепу, а позже — мягких тканей по костяку. Работы основоположника этого направления М. М. Герасимова были в 1950 году отмечены Государственной премией СССР.

Особенно характерными и знаменательными для развития Института были исследования по этнической антропологии. Они начались еще в предвоенное время и получили особенный размах в последние десятилетия. Следует отметить, что именно в эти десятилетия возникли новые антропологические центры в системе академий наук союзных и некоторых автономных республик. В тесной связи с ними (а также с Институтом антропологии при МГУ) антропологи Института осуществили достаточно полную соматическую съемку народов Советского Союза, ныне имеющую лишь незначительные пробелы. Весьма плодотворны были также работы антропологов Института в Китае, Индии, Афганистане.

²⁵ См.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968; Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972; Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л.: Наука, 1972; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. Проблемы исторических контактов. М.: Наука, 1978; Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М.: Наука, 1979; Ранние земледельцы: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1980. Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, и др.

Развитие этнической антропологии стимулировало освоение новых методов антропологической дерматоглифики, этнической одонтологии и др. В 60-х — 70-х годах в тесной связи с новым подъемом генетических исследований в советской биологии получили развитие генетико-популяционные методы²⁶.

Как уже упоминалось, в рамках историко-этнографического направления в послевоенные годы осуществлен целый ряд комплексных этногенетических исследований. Комплексный метод, который неоднократно подвергался обсуждению, дал значительные результаты при изучении конкретных вопросов происхождения отдельных народов, особенно Советского Союза (Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока). Существен также вклад советских исследователей и в разработку проблем происхождения зарубежных народов, особенно народов Америки, Австралии, Африки и Океании²⁷.

С историко-этнографической проблематикой тесно соприкасается разработка этнолингвистических вопросов — весьма успешное изучение забытых систем письма (древних майя, протоиндийской письменности, письменности о. Пасхи, киданей и чжурчженей)²⁸. В 1977 г. цикл работ по письменности майя Ю. В. Кнорозова был отмечен Государственной премией СССР. Этнолингвистический характер имело и изучение языков народов Африки (разработка письменности, создание серии словарей), а также исследование эпиграфических памятников Кавказа и древнейших источников по этнической истории африканских народов — античных, китайских, арабских²⁹. Важное значение имело и включение ономастики в число активно разрабатываемых этнографических источников³⁰.

²⁶ Библиографию основных антропологических работ сотрудников Института — В. В. Бунака, В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимовой, Г. Ф. Дебеца, М. Г. Левина, В. П. Алексеева, А. А. Зубова, И. И. Гохмана, М. М. Герасимова, Н. Н. Чебоксарова, И. М. Золотаревой, А. А. Воронова и др. см. в статье: *Алексеев В. П.* Антропология в Академии наук за 250 лет. — СЭ, 1974, № 4.

²⁷ Назовем некоторые работы теоретического характера: *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К вопросу о роли автохтонного населения в этногенезе южных славян. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974; *Абрамзон С. М., Потапов Л. П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории на материале тюркоязычных кочевников. — СЭ, 1975, № 6; *Крюков М. В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1976, в. 6; *Алексеев В. П.* Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. — В кн.: Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977, и др. См. также работы по отдельным народам СССР: С. М. Абрамзон (киргизы), Л. П. Потапов (алтайцы), И. С. Вдовин (коряки), Л. В. Хомич (ненцы), Т. А. Бернштам (поморы), В. И. Васильев (северосамодийские народы), сб. «Этногенез народов Севера». М.: Наука, 1980, и др.; по зарубежным народам: М. Г. Левин (японцы), Д. Е. Еремеев (тюрки), Н. А. Красновская (фриулы), Р. Ф. Итс (южный Китай), Р. Ш. Джарылгасинова (корейцы), А. И. Мухлинов (вьетнамцы), Н. Н. Чебоксаров (китайцы) и др. Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР, с. 146—148.

²⁸ *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963; *Ольдерогге Д. А.* Параллельные таблицы с острова Пасхи. — В сб. МАЭ, т. XI. М.-Л.: Наука, 1949; *Федорова И. К.* Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М.: Наука, 1978; *Бутинов Н. А.* Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории в связи с кохау ронгоронго. — СЭ, 1982, № 6; *Кнорозов Ю. В.* Протоиндийские надписи (к проблемам дешифровки). — СЭ, 1981, № 5; *Альбедиль М. Ф.* Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов. — СЭ, 1982, № 1; *Волчок Б. Я.* К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов. — СЭ, 1982, № 3; Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. М.: ВИНТИ, 1964.

²⁹ Африканский этнографический сборник, т. I—V. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956—1963; с 1966 г. выходит под названием «Africa» т. VI—XIII. Л.: Наука, 1966—1982; см. также Суахили-русский словарь. М., 1961; Хауса-русский словарь. М., 1963; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1—М.: Наука, 1966; ч. 2—М.: Наука, 1968; ч. 3—М.: Наука, 1980, и др.

³⁰ Этнонимы. М.: Наука, 1970; Этнография имен. М.: Наука, 1971; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973; Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978, и др.

Современная советская этнография понимает этнос как динамическую систему. Поэтому в процессе историко-этнографического изучения народов и их культур исследователи обращаются не только к проблемам этногенеза, но и к проблемам последующей этнической и этнокультурной истории этнических общностей. Так как этнос выражает себя по преимуществу в устойчивых формах повседневной традиционной бытовой культуры, языке и самосознании, то совершенно естественно, что изучение этнической истории зачастую смыкается с изучением истории традиционной культуры народов мира, т. е. с направлением, издавна свойственным этнографии. Век научно-технической революции и социального прогресса способствует, как известно, быстрому изживанию, уходу из быта народов многих элементов и комплексов традиционной культуры. В связи с этим изучение традиционных культур приобрело в наше время особое значение. Полевые работы систематически ведутся в разных районах нашей страны и частично за рубежом совместно с этнографическими и антропологическими учреждениями изучаемых стран (в Индии, Афганистане, Вьетнаме, некоторых странах Африки, на Кубе и др.). Значительным достижением в этом смысле были две экспедиции сотрудников Института в Океанию на академическом научно-исследовательском судне «Д. Менделеев», во время которых были собраны разнообразные материалы, связанные с современной жизнью народов этого региона. В частности, этнографическому изучению была подвергнута и деревня Бонгу на Берегу Маклая на Новой Гвинее, около нее 100 лет тому назад жил великий русский путешественник и этнограф, имя которого носит Институт³¹.

Изучение истории традиционной культуры народов Советского Союза ведется в разных аспектах. Разрабатывается типология форм культуры, методика использования отдельных слоев традиционной культуры в качестве источников для разработки проблем этногенеза. Выявляются культурные связи народов, как исторический фон, позволяющий глубже понимать своеобразие современных этнических процессов. Сопоставительное и типологическое изучение традиционной культуры дает возможность нарисовать сложную картину реализации единых исторических закономерностей в вариационном множестве типов и тем самым осознать неповторимую ценность, вклад каждого народа в историю культуры и нашей страны, и всего человечества, а это создает надежную научную почву для воспитания общественного уважения к каждому народу как бы велик или мал он ни был³².

Многие проблемы традиционной культуры даже наиболее изученных народов до сих пор еще требуют систематического исследования. Это ясно показали возобновившиеся на новой теоретической основе историко-сравнительные и историко-типологические исследования, уже имеющие значительные достижения и, бесспорно, доказавшие перспективность такого направления в современной этнографии³³.

С начала 20-х годов сотрудники музея, а позже — Института, неизменно придавали большое значение изучению генезиса религиозного сознания, архаических верований, а также бытовому функционированию так называемых «мировых религий» (христианство, мусульманство,

³¹ См.: На Берегу Маклая. (Этнографические очерки). М.: Наука, 1975; *Тумаркин Д. Д.* Новая встреча с Океанией. — СЭ, 1977, № 6; *Басилов В. Н.* Мужские дома в Бонгу. — СЭ, 1977, № 6; *Путилов Б. Н.* Современный песенно-музыкальный фольклор Берега Маклая. М.: Наука, 1973.

³² Библиографический обзор важнейших работ по традиционной культуре народов СССР см.: *Бромлей Ю. В.* Основные направления послевоенных этнографических исследований в СССР, с. 142—146.

³³ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968; Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. XIX — начало XX века. (Зимние праздники. М.: Наука, 1973; Весенние праздники. М.: Наука, 1977; Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978); Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; *Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX — XX вв. М.: Наука, 1982.

буддизм)³⁴. Проблематика, связанная с формированием, обрядовыми и социальными функциями религии всегда оценивалась как актуальная в научном и политическом отношении. В настоящее время начата работа над многотомником, посвященным религии в современном мире.

Фольклористы Института в послевоенные годы работали над проблемами теории фольклора (методика историко-типологического изучения, приложение теории информации и семиотики, теория вариативности и т. п.)³⁵, историей социальной психологии русского крестьянства, русской сказки и мифологической былички, над проблемами современного фольклора³⁶. Было проведено несколько конференций и издана серия сборников, посвященных взаимосвязи фольклора и этнографии, что, в частности, заметно стимулировало разработку проблем, связанных с изучением обрядов и обрядового фольклора³⁷.

Чрезвычайно важными как для изучения этнической истории народов, так и для этнографии современности стали в послевоенные годы вновь сформировавшиеся субдисциплины — этническая география и этническая демография. Их становление было обусловлено необходимостью разработки важных как в практическом, так и в историко-этнографическом отношении проблем, связанных с определением численности народов и их территориальным размещением, а также с большим влиянием, которое оказывают на современную жизнь народов мира демографические и этнодемографические процессы. На основе новой методики было создано большое число карт, охватывающих все части земного шара, причем особое внимание было уделено составлению этнических карт слабоизученных районов. Особенную роль в этом отношении сыграли обобщающие труды этнодемографов и этнокартографов Института³⁸.

На стыке исторической этнографии и картографии родилось еще одно важное для современной советской этнографии направление —

³⁴ См.: Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Наука, 1964; *его же*. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1965; Крычевел И. А. История религий. Очерки в двух томах. Т. 1—2. М.: Мысль, 1975—1976, и др.; см. также дискуссию о сущности и функциях религии в «Сов. этнографии» (1979, № 3; 1980, № 1, 4—6; 1981, № 1).

³⁵ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976; Чистов К. В. Специфика фольклора в свете теории информации.— В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М.: Наука, 1975; Байбури А. К. Семиотический статус вещей и мифология.— В кн.: Материальная культура и мифология. Сб. МАЭ, т. XXXVII. Л.: Наука, 1981; Чистов К. В. Вариативность как проблема теории фольклора.— В сб. *Mezefnicke vstáhy ve folklore karpatskej oblasti*. Bratislava, 1980; *его же*. Традиция и вариативность.—СЭ, 1983, № 2.

³⁶ Крупянская В. Ю. Фольклор Великой Отечественной войны. (Задачи и методы собрания). М.—Л., 1949; Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. ТИЭ, т. XIX. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Русское народно-поэтическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. ТИЭ, т. XX. М.: Изд-во АН СССР, 1953; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Современный русский фольклор. М.: Наука, 1966; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967; Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970; Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975; Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979 и др.

³⁷ Фольклор и этнография. Л., 1970; Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973; Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л.: Наука, 1974; Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: Наука, 1977; Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981; Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982; Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

³⁸ См., например, Брук С. И. Карта народов Китая, МНР и Кореи. М., 1959; *его же*. Карта народов Индокитая. М., 1959; *его же*. Народы Азии (карта). М., 1960; Численность и расселение народов мира. (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1962; Берзина М. Я., Брук С. И. Карта народов Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1962; Атлас. Народы мира. М., 1964; Козлов В. И. Этническая демография. М.: Статистика, 1977; *его же*. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969; Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1978; Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1982 и др.

историко-этнографическое картографирование. В послевоенные годы шла интенсивная работа по подготовке историко-этнографических атласов, возглавленная Институтом этнографии АН СССР. Вышедшие в свет и готовящиеся к изданию атласы потребовали широкой экспедиционной работы и историко-документальных исследований, а также разработки многих как традиционных, так и новых для этнографии методических вопросов³⁹.

Освоение обширного историко-этнографического материала вызвало необходимость его теоретического осмысления. Большую роль в этом процессе сыграла сформулированная советскими этнографами концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей⁴⁰.

С конца 60-х годов особое значение для всех направлений советской этнографии приобрела активная разработка теории этноса. Современное профилирование этнографии потребовало пересмотра ее понятийного аппарата и терминологии. Широкое распространение получили термины «этнос» и «этническая общность», «этническая история» и «этнические признаки»; представления о соотношении этнического и социального, о различных типах, направлении и содержании этнических, этнокультурных и этносоциальных процессов⁴¹. Современная теория этноса не только внесла большую определенность в представление о предмете и объекте этнографии как науки, но и позволила объединить в одной концепции проблемы как историко-этнографические, так и этнографии современности⁴².

Одна из наиболее характерных особенностей послевоенной советской этнографии — усиление внимания к изучению различных аспектов современных этнических процессов: этнокультурных, этносоциальных, этнолингвистических и т. д. Изучение современных процессов в нашей стране прошло несколько этапов. Значительное развитие эта проблема-

³⁹ Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967 и 1970; Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁴⁰ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса).— СЭ, 1955, № 4; Андрианов Б. В. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс.— СЭ, 1968, № 2; Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина).— СЭ, 1970, № 6; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ, 1975, № 3 и др.

⁴¹ Токарев С. А. Проблема типа этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии).— Вопросы философии, 1964, № 11; Козлов В. И. О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2; Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6; Хомич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы».— СЭ, 1969, № 5; Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности «этноса».— Природа, 1970, № 2; *его же*. Этнос и этно-социальный организм.— Вестник АН СССР, 1970, № 3; Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности.— СЭ, 1970, № 6; Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос».— Расы и народы, в. 1. М.: Наука, 1971; Козлов В. И. Что же такое этнос?— Природа, 1971, № 2; Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1972, № 3; см. также Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2; Мыльников А. С. К вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах.— В кн.: Расы и народы, в. 5. М., 1975; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические обозначения.— В кн.: Расы и народы, в. 6. М., 1976; Марков Г. Е. Этнос, этнические процессы и проблемы образа жизни.— В кн.: Расы и народы, в. 7. М., 1977; Першиц А. И., Покшишевский В. В. Ипостаси этноса.— Природа, 1978, № 12; Козлов В. И. Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры).— СЭ, 1979, № 3; *его же*. О классификации этнических общностей.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979; Лашук Л. Н. Концепция специфического начала теории этнической общности.— Вестник МГУ. Сер. 8, История, № 6, 1981; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

⁴² См., например: Бромлей Ю. В. О месте этнографии в системе наук.— Вестник АН СССР, 1977, № 1; *его же*. Этнос и этнография; *его же*. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории).

тика получила, как уже говорилось, еще в 20-е годы в связи с практическими задачами переустройства жизни отсталых в прошлом окраин нашей страны. В конце 40-х — начале 50-х годов стала остро ощущаться необходимость новой методики, новых аспектов изучения и шире — нового понимания самой сути этнографического изучения культурно-бытовых процессов. Была подготовлена и опубликована целая серия монографий о современной культуре и быте колхозного крестьянства в разных масштабах — от одного селения до целых районов и регионов⁴³.

Как уже говорилось, была поставлена задача изучения быта рабочих, а затем и всего городского населения, причем не только в рамках этнографии современности, но и в историческом плане. Характерно также внимание, которое уделялось проблемам семьи как микросреды трансмиссии культурно-бытовых традиций.

Изучение сложных явлений современности потребовало привлечения массового первичного материала, обрабатываемого с помощью счетно-решающих устройств. Наметилось также своеобразие этнографического подхода к изучению современного быта — рассмотрение его сквозь призму соотношений традиций и инноваций, преемственности и обновления⁴⁴.

Этнографическое изучение современности, однако, не ограничилось исследованием культурно-бытовых процессов. Развитие теории этноса позволило предпринять разносторонний анализ современных этнических и этнокультурных процессов в целом — сложного явления, тесно сопряженного с самыми различными общественными сферами — от экономики до психологии. Существенно продвинулось в последние десятилетия изучение таких важных аспектов современных этнических процессов в СССР, как национально-смешанные браки, соотношение родного языка и этнического самосознания, двуязычие и его функции⁴⁵.

⁴³ *Потапов Л. П.* Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР.— СЭ, 1962, № 2; *Еришов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерова Е. М., Русайкина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.— ТИЭ, т. XXIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954; Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни.— ТИЭ, т. XLI. М., 1958; *Абрамзон С. М., Антипина К. И.* и др. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан.— ТИЭ, т. XXXVII. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Терентьева Л. Н.* Колхозное крестьянство Латвии. Историко-этнографическая монография по материалам колхозов. Екабпилсского района Латвийской ССР.— ТИЭ, т. LIX. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964; Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.: Наука, 1967 и др. Подробный библиографический обзор см.: *Poliščuk N. S.* Literatur zur volkskundlichen Gegenwartsforschung UdSSR (1958—1967).— Deutsche Jahrbuch für Volkskunde, B. 14, T. II, 1968.

⁴⁴ См., например: *Рождественская С. Б.* Опыт обработки этнографических материалов при помощи счетных машин.— СЭ, 1964, № 3; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Опыт применения анкетно-статистического метода для изучения городского населения. Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. Кишинев, 1967; *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М.: Наука, 1972; *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения).— СЭ, 1973, № 4; *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры. Расы и народы. М.: Наука, 1975, № 5; *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977; *Смирнова Я. С.* Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа).— СЭ, 1977, № 5; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX вв. Традиции и инновации. М.: Наука, 1982.

⁴⁵ *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3; *ее же.* Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. Доклад на VIII Всемирном социологическом конгрессе в Канаде. М., 1974; *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия.— СЭ, 1972, № 2; *Брук С. И., Губогло М. Н.* Двуязычие и сближение наций в СССР. По материалам переписи населения 1970 г.— СЭ, 1975, № 4; *их же.* Факторы распространения двуязычия у народов СССР. По материалам этносоциологических исследований.— СЭ, 1975, № 5; *Бромлей Ю. В.* Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР.— В кн.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. Подробнее см.: *Бромлей Ю. В.* Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (к 50-летию Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР).— СЭ, 1983, № 2.

Предварительные итоги этнографического изучения современности в 60—70 гг. подвела коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР», отмеченная Государственной премией СССР. В книге впервые дано всестороннее освещение этнических аспектов национальных отношений в СССР за годы Советской власти, подробно рассматриваются отражение этнических процессов в материальной и духовной культуре, языке, семейных отношениях, влияние на эти изменения экономических, социальных и демографических факторов⁴⁶.

Разработка теории этноса показала теснейшую связь социальных и этнических процессов и, соответственно, необходимость изучения их взаимодействия. Эта задача была поставлена перед сформировавшейся сравнительно недавно этнографической субдисциплиной — этносоциологией современности⁴⁷. За последние полтора десятилетия этносоциологи Института не только осуществили целую серию исследований в разных районах Советского Союза (Татария, Эстония, Грузия, Молдавия и др.)⁴⁸, но и способствовали формированию этносоциологических исследований в ряде республик Советского Союза.

В эти же годы широко развернулось изучение характера этнических процессов в самых различных странах и регионах мира — Азии, Африке, Южной и Центральной Америке, Океании. В опубликованных работах показана тесная связь современных этнических процессов со спецификой социально-политического развития отдельных наций и народностей и конкретными этнокультурными ситуациями⁴⁹.

Систематическое накопление полевых материалов, разработка и публикация музейных коллекций, формулировка новых методических идей и концепций, возникновение целого ряда специфических субдисциплин, о чем уже говорилось, сопровождались, особенно в послевоенные годы критическим осмыслением предшествующего опыта этнографической науки как в нашей стране, так и за рубежом. Публиковались книги по истории этнографии, сборники, в которых разрабатывались отдельные проблемы или освещалась деятельность наиболее значительных ученых прошлого и т. п.⁵⁰. Развернулась также работа по истории

⁴⁶ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975; 2-е изд., 1977.

⁴⁷ Бромлей Ю. В. Наука о народах мира.— Наука и жизнь, 1968, № 8; *его же*. Этнос и этнография.

⁴⁸ См. работы: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973; Дробижнева Л. М. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь. М., 1973; Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— СЭ, 1976, № 3; Старовойтова Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса трех городов Татарской АССР).— СЭ, 1976, № 3; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма.— История СССР, 1978, № 4; *его же*. Этносоциальные аспекты интернационализации образа жизни.— СЭ, 1979, № 2; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (По материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980; Дробижнева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Наука, 1981 и др.

⁴⁹ Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4; Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972; Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1974; Национальные процессы в странах Центральной Америки и Мексике. М.: Наука, 1974; Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1976; Андрианов Б. В., Исмаилова Р. Н. Этносы и этнические процессы в Африке (К проблеме типологии).— СЭ, 1979, № 5; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М.: Наука, 1981; Этнические процессы в странах Южной Америки. М.: Наука, 1981 и др.

⁵⁰ Токарев С. А. История русской этнографии; Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, т. I—IX. М., 1956—1982; Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук); Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М.: Наука, 1981; Новиков Н. В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора. Минск, 1972; Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л.: Наука, 1979; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии.

этнографической науки в других социалистических странах. Она ведется совместно с учеными этих стран⁵¹. Опубликован ряд коллективных трудов, содержащих критику антимарксистских школ и направлений в зарубежной этнографии — «английского функционализма», «американской этнопсихологической школы», «школы культурного релятивизма» и т. п.⁵² Значительное место в критике реакционных течений уделяется в систематически издающихся ежегодниках «Расы и народы». Материалы ежегодника так же, как и многие статьи в журнале «Советская этнография», показывают несостоятельность расистских и националистических теорий, основанных на попытках оперировать этнографическим и антропологическим материалом. Важное значение в данном отношении имеет издание обобщающего труда «Расы и общество»⁵³.

Одна из характернейших черт послевоенной деятельности Института этнографии АН СССР, как и других этнографических учреждений страны, — широкое развитие международных связей, способствующее значительному росту международного авторитета советской этнографической науки. Большую роль в этом сыграли VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в 1964 году в Москве, активное участие советских этнографов в последующих конгрессах (в Токио — Киото — 1968 г., в Чикаго — 1973 г. и в Дели — 1978 г.)⁵⁴, а также проведение в Суздале осенью 1982 г. Второго Конгресса Международного общества этнологии и фольклора Европы. Сотрудники Института принимали также деятельное участие в конгрессах историков, славистов, финно-угроведов, балканистов, тюркологов, социологов и др., в издании ряда международных журналов — «Демос», «Этнология славика», «Этнология эуропеа» и др. Книги советских этнографов, антропологов и фольклористов рецензируются в зарубежных журналах, издаются на многих языках. В США выходит журнал «Советская антропология и археология», в котором публикуются переводы статей, появившихся в советской этнографической печати. Целый ряд работ советских этнографов был издан на европейских языках в Советском Союзе. В последние десятилетия были осуществлены также совместные исследования с учеными Кубы, Вьетнама, Финляндии, Индии, США.

Особенно тесные контакты сложились у советских этнографов с коллегами из социалистических стран. Обмен аспирантами и стажерами, систематический обмен информацией о текущих работах, совместные конференции и симпозиумы, наконец, совместно разрабатываемые темы сблизили этнографов Советского Союза и социалистических стран и способствовали осуществлению социалистической интеграции в этой сфере научной деятельности. Примером может служить работа над совместными монографиями по карпато-балканской проблематике, по разработке основных понятий этнографической науки, по этнографическому изучению современной семьи и т. д.

⁵¹ Этнография в странах социализма; *Мыльников О. С.* Юнгман И. и его время. М., 1973; *его же.* Эпоха просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. Сотрудники Института участвовали также в подготовке изданных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР справочников: *Славяноведение в дореволюционной России.* М.: Наука, 1979; *Историки-слависты СССР.* Библиографический словарь-справочник. М.: Наука, 1981 и др.

⁵² Англо-американская этнография на службе империализма. (Сборник статей). — ТИЭ, т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1951; Современная американская этнография. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973; *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. М.: Наука, 1978; *его же.* История зарубежной этнографии. М.: Наука, 1978; *Аверкцева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М.: Наука, 1979 и др.

⁵³ Расы и общество. М.: Наука, 1982.

⁵⁴ См.: *Бромлей Ю. В.* Современная этнография в свете международных конгрессов (VIII, IX и X МКАЭН). — В кн.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии.

Большое воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу превращения накопленных ими специальных знаний в достояние народа. В последние годы увидел свет ряд популярных этнографических работ⁵⁵; статьи по различным проблемам этнографии публиковались в таких журналах, как «Вокруг света», «Наука и религия», «Природа», «Знание — сила» и других. Продолжала публикацию популярных статей также «Советская этнография». Результаты этнографических исследований отражены во многих учебниках и справочниках⁵⁶.

Ведется работа по созданию рассчитанной на массового читателя этногеографической двадцатитомной серии «Страны и народы», в которой, наряду с описанием природы и хозяйства, дается культурно-бытовая характеристика народов⁵⁷.

Итак, пройден пятидесятилетний путь. Оглядываясь назад, мы видим, что он полон труда и поиска, успехов и неудач, естественных для каждой развивающейся науки. Но мы видим и другое — как много проблем еще ждут своего разрешения. Этнографическая наука должна продолжать совершенствовать свой теоретический арсенал, несомненно пополнившийся в последние десятилетия (что свидетельствует о зрелости этнографии как науки), и разрабатывать конкретные проблемы, связанные как с исторической этнографией, так и с этнографией современности народов СССР и всего мира. Проблем таких много и они требуют творческого труда всех советских этнографов, органической частью которых является коллектив сотрудников Ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР. Награждение Института орденом символично. Само название ордена — «Дружбы Народов» — напоминает об основной общественной и политической функции советской этнографии. Вместе с тем такое награждение ко многому обязывает.

⁵⁵ См., например: Этнографы рассказывают. М.: Наука, 1978; Глазами этнографов. М.: Наука, 1982.

⁵⁶ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958; Громов Г. Г. Методики этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966; Кнышенко Ю. В. История первобытного общества и основы этнографии. Ростов-на-Дону, 1968; Першиц А. И., Монгайт А. А., Алексеев В. Н. История первобытного общества. 1-е изд. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; 3-е изд. М., 1982; Этнография/Под ред. Бромлея Ю. В., Маркова Г. Е. М.: Высшая школа, 1982.

⁵⁷ К настоящему времени вышло 16 томов.

Б. Х. Бгажноков

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЭТИКЕТ *

В числе правил, которым подчиняется этикетное поведение, правилам организации или структурирования пространства принадлежит особое место. С одной стороны, это всевозможные конвенции, касающиеся поз и жестов, с другой — столь же заданные и этикетно значимые концепции деления и распределения пространства в зоне социального взаимодействия личностей.

Вопрос о природе, функциях подобных фактов и отношений требует к себе внимания представителей различных научных дисциплин: социо-

* Полевые материалы собирались автором среди адыгов в 1978—1980 гг.